

The 7 Ps of Men's Violence

*Published in "Women's Worlds-99. The 7th World Congress and Gender Studies in Russia".
Ivanovo: Ivanovo Center for Gender Studies, 1999. Ed. by Olga Shnyrova, translated by Igor
Shkolnikov, Olga Shnyrova*

Семь «П» мужского насилия.

На мгновение из небольшой аудитории, где проходит заседание секции конгресса, я переношусь в Гималаи, к северу от Катманду. Год назад я руководил там круглым столом, который состоялся благодаря усилиям UNICEF и UNIFEM и собрал вместе мужчин и женщин для обсуждения проблемы насилия против женщин и девушек и, что самое главное, для совместной выработки путей ее решения. (1) Когда я вспоминаю мужчин и женщин в этой группе, мне кажется, что между ними было больше общего, нежели различного: женщины, предпринимавшие гигантские усилия, иногда рискующие своими жизнями, чтобы остановить волну насилия против женщин и девушек. Мужчины, которые еще только начинают определять свою антипатриархатную позицию и ищут пути для того, чтобы работать плечом к плечу с женщинами. Меня приятно удивила положительная реакция на тот взгляд на насилие, который я им представил: до этого я не был полностью уверен, являются ли они применимыми только к американской и европейской реальности или имеют более широкий резонанс.

Вот основные положения этого анализа:

Патриархатная власть: первое «П».

Индивидуальные проявления насилия у мужчин происходят в рамках того, что я описал как триаду насилия. Мужское насилие против женщин осуществляется не в изоляции, оно тесно связано с насилием, направленным против других мужчин, и с направленностью насилия на субъект, то есть фактически с насилием, направленным против себя самого. (2)

Действительно, общества с мужским доминированием построены не только на преобладании мужчин над женщинами, но и одних мужчин над другими. Насилие или угроза насилия среди мужчин – это механизм, который используется с детства для установления этого агрессивного порядка. В результате насилие становится частью личности мужчины, и патриархатное общество поощряет проявление биологических инстинктов, которые в других условиях могли бы и не проявиться, либо проявиться в более мягкой форме. Как следствие этого, мальчики и мужчины не только учатся выборочно применять насилие, но и, как мы увидим в дальнейшем, трансформируют ряд эмоций в ярость, что иногда приобретает формы направленного внутрь насилия, в качестве, например, самооскорблений или саморазрушающего поведения. В этой триаде мужского насилия каждая форма насилия помогает созданию проявлений других в питательной среде насилия: организации и требованиях патриархатных обществ или обществ с мужским доминированием. Способы, которыми она артикулируется в нашей идеологии и социальных структурах, дают ей право на существования в качестве метода ведения дел в бизнесе, существующего de facto стандарта человеческих отношений. Говоря проще, группы людей создают самовоспроизводящиеся формы социальной организации и идеологии, которые объясняют, придают смысл, оправдывают и пополняют эти искусственно созданные реальности. Насилие также встроено в эти идеологии и структуры по той простой причине, что оно дает огромные преимущества для определенных групп: в первую очередь и более всего насилие (или, по крайней мере, угроза насилия) помогает закрепить за мужчинами большое количество привилегий и форм власти. Если в действительности первоначальные формы социальной иерархии и

власти основаны на поле, то это обстоятельство давным-давно сформировало базу для всех структурных форм власти и привилегий, которой наслаждаются избранные благодаря их социальному происхождению, цвету кожи, возрасту, сексуальной ориентации или физическим способностям. В таком контексте насилие или его угроза становятся средством для продолжения получения привилегий и осуществления власти. Это одновременно и результат и способ.

Ощущение права на привилегии: второе «П»

Мужчина, прибегающий к насилию, может не осознавать, что он руководствуется желанием поддерживать властные отношения. Его личные представления не являются в данном случае ключевыми. Скорее всего, как не однократно показывал феминистский анализ, насилие является, прежде всего, указанием на ощущением ожидаемого права. Или, например, когда мужчина сексуально атакует женщину на свидании, это связано с его ощущением права на получение физического удовольствия, даже если это удовольствие получит только он. Другими словами, как отмечено многими женщинами, к насилию ведет не только неравное распределение власти, но осознанное или часто неосознанное ощущение права на привилегии.

Третье «П»: Попустительство

Каким бы ни был комплекс социальных и психологических причин мужского насилия, оно не стало бы продолжаться, если бы не существовало явного или подразумеваемого попустительства в традициях, законодательстве и некоторых религиозных учениях. Во многих странах законы об оскорблении жены или сексуальных нападениях на жену недостаточно разработаны или отсутствуют, во многих других законах наказание за эти действия почти не предусматривается; иногда законы абсурдны, как, например, в тех странах, где заявление об изнасиловании только тогда принимается к рассмотрению, когда имеется несколько свидетелей-мужчин, и где показания женщины не принимаются во внимание. Вместе с тем, акты мужского насилия и агрессии (в этом случае, как правило, против других мужчин) прославляются в спорте и кино, в литературе и армии. Насилие не только разрешается, оно приукрашивается и вознаграждается. С самого начала существования патриархатных обществ насилие использовалось как ключ к решению споров и устранению разногласий среди отдельных личностей, затем групп людей и, позднее, между нациями. Я часто вспоминаю об этом попустительстве, когда узнаю, что какой-то мужчина или какая-то женщина не стали звонить в полицию, когда услышали, как избивают их соседку или ее ребенка. Это считается частным делом. Можете вы себе представить как кто-либо, увидев ограбление магазина, откажется позвонить в полицию на том основании, что это частное дело между грабителем и владельцем магазина?

Четвертое «П»: Парадокс мужской власти.

Я, однако, убежден, что подобные вещи сами по себе не объясняют ни широко распространенную природу мужского насилия, ни связи между мужским насилием против женщин и многочисленными формами насилия мужчин в отношении друг друга. Здесь мы должны обратиться к парадоксам мужской власти или тому, что я называю противоречивым опытом власти. (3)

Пути, которыми мужчины устанавливают свою социальную и личную власть, как это ни парадоксально, являются источником огромного страха, изоляции и боли для самих мужчин. Если власть конструируется как возможность доминирования и контроля, если возможность осуществлять властные действия требует создания персонального арсенала и пугающей отдаленности от других, если мир власти и привилегий мешает нам

воспитывать собственных детей, тогда мы создаем мужчин, чей собственный опыт установления власти является ущербным.

Это именно так, поскольку идеалу маскулинности очень трудно соответствовать. Эта проблема характерна для патриархатных обществ, но она также верна в наши дни для культур, где жесткие гендерные границы уже ликвидированы. Будь то физическое совершенство или финансовое благополучие, или подавление целого ряда человеческих эмоций и потребностей, везде императив маскулинности (как определенное противопоставление простой определенности биологической принадлежности к мужскому полу), требует постоянного напряжения и труда, особенно со стороны молодых мужчин.

Личная неуверенность, сочетающаяся с неспособностью соответствовать стандартам маскулинности, или говоря проще, угроза провала, достаточна для того, чтобы ввергнуть многих мужчин, особенно когда они молоды, в водоворот страха, изоляции, гнева, неудовлетворенности собой и агрессии. В таком эмоциональном состоянии насилие становится компенсаторным механизмом. Это способ восстановления маскулинного равновесия, предъявления себе и другим свидетельства мужественности. Такое выражение насилия обычно предусматривает выбор в качестве объекта того, кто слабее или более уязвим. Это может быть ребенок или женщина, или какая-то социальная группа, как, например, гомосексуалисты, религиозные или этнические меньшинства, иммигранты, которые являются доступной целью для сублимации на них чувств неуверенности и ярости отдельных мужчин.

Использованию насилия в качестве индивидуального компенсаторного механизма способствует широко распространенная поддержка насилия как способа решения споров и осуществления власти и контроля. Ее делают возможной власть и привилегии, которыми наслаждаются мужчины, воплощенные в убеждения, практику, социальные структуры и законы. Мужское насилие в его многочисленных проявлениях, является, таким образом, результатом как мужской власти, ощущения права на привилегии, допущения определенных форм насилия, так и боязни не иметь власти. Но есть кое-что еще.

Пятое «П»: Психическое оснащение мужественности.

Мужское насилие является также результатом структуры мужского характера, которая обычно основывается на эмоциональной дистанцированности от других. По моему мнению, и мнению многих других, психические структуры мужественности формируются окружением ребенка, которое часто характеризуется постоянным отсутствием отца или других взрослых мужчин, или, в лучшем случае эмоциональным безразличием со стороны мужчин. В этом случае маскулинность создается на уровне фантазии. Но даже в патриархатных культурах, где отцы более задействованы в воспитании детей, маскулинность определяется как отторжение матери и феминности, что, собственно, является отвержением таких качеств как заботливость и нежность. Как указывает ряд феминистских психоаналитиков, это создает жесткие барьеры для Эго, или, метафорически выражаясь, способствует формированию защитной брони.

Результатом этого сложного процесса психологического развития является ослабленная способность к сопереживанию и неспособность понимать нужды и чувства других людей. Поэтому становятся возможными и акты насилия против другой личности. Как часто мы слышим, как мужчина говорит, что он не хотел причинить боль женщине, которую он ударил? Да, он приносит свои извинения, но проблема, состоит в том, что сам он не испытывает боль, равноценную той, которую он причинил. Как часто мы слышим, как мужчина говорит, что она сама хотела секса? Снова, он может извиниться, но это может быть всего лишь отражением его пониженной способности понимать и разделять чувства другого человека.

Маскулинность как средство психологического давления: шестое «П».

Многие из доминирующих форм маскулинности проистекают из подавления эмоций и их трансформации в гнев. Это означает не только то, что мужской эмоциональный язык беден или что наша эмоциональная восприимчивость и способность к сопереживанию недоразвиты. Это означает также, что целый ряд человеческих чувств у нас постоянно подавляется и уродуется. В нашей культуре достаточно типично для мальчиков с раннего возраста подавлять чувства страха и боли. На спортивной площадке мы учим мальчиков игнорировать боль. Дома мы говорим им, что плакать недостойно мужчины. Некоторые культуры прославляют стоическое мужество. (И, я должен подчеркнуть, что мальчики учатся этим вещам ради выживания: следовательно, мы не виним отдельного мальчика или мужчину за происхождение его теперешнего поведения, хотя, в то же время, мы возлагаем на него ответственность за его действия). Естественно, будучи людьми, мы переживаем события, вызвавшие у нас эмоциональный отклик. Но обычные механизмы эмоционального реагирования от переживания эмоции до ее выражения довольно ограничены у большинства мужчин. Но, опять же, для большинства мужчин одна эмоция имеет некоторую ценность – это гнев. В результате многие эмоции трансформируются в гнев. Хотя такая трансформация характерна не только исключительно для мужчин (также как она не присуща всем мужчинам), для некоторых мужчин реакция в виде насилия на страх, боль, неуверенность, отказ, неуважение является достаточно типичной. Это особенно справедливо, когда насилие продуцируется ощущением отсутствия власти. Это ощущение только усиливает чувство неуверенности: если мужественность определяется властью и контролем, отсутствие власти означает, что ты не мужчина. И снова насилие становится способом доказать противоположное себе и другим.

Седьмое «П»: опыт прошлого

Все это сочетается для некоторых мужчин с печальным личным опытом. Они вырастают, постоянно наблюдая насилие в отношении женщин как норму, как часть обыденной жизни. У некоторых это формирует отвращение к насилию, в то время как другие учатся ему сами. Во многих случаях это сочетается: мужчины, применяющие насилие против женщин часто испытывают глубокое отвращение к себе самим и своему поведению. Исследования показывают, что мальчики и девочки, выросшие, наблюдая насилие, гораздо сами более склонны к насилию, чем другие. Такое насилие может быть способом привлечения внимания; это может быть результат невозможности справиться со своими чувствами. Эти стандарты поведения переходят во взрослую жизнь: многие мужчины, которые проходили тренинги в программах для мужчин, применяющих насилие, либо наблюдали в детстве, как били их мать, либо испытывали побои сами. Прошлый опыт многих мужчин включает в себя воспоминания о насилии, которое они испытали сами. Во многих культурах мальчики значительно реже подвергаются сексуальному насилию, чем девочки, но зато физическое насилие они переживают в два раза чаще. Это не приводит к однозначному результату, но в некоторых случаях этот персональный опыт порождает случаи глубокого внутреннего смятения и фрустрации, когда мальчики узнают, что можно причинять боль тому, кого ты любишь, что только взрывы ярости могут избавить от тщательно скрываемого чувства боли. И, наконец, существует распространенная практика применения повседневного мелкого насилия среди самих мальчиков. В результате мальчики во многих культурах вырастают с опытом драк, хулиганства, применения силы по любому поводу. Простой опыт требует принятия и усвоения насилия как нормы поведения.

Положить конец насилию

Этот анализ, даже представленный в такой сжатой форме, дает понимание того, что проблема насилия требует четко сформулированного ответа, который предусматривает: пересмотр и демонтаж структур мужской власти и мужских привилегий и прекращение общественного и культурного попустительства актам насилия. Здесь насилие берет свои корни, и мы не можем положить ему конец без мужской и женской поддержки феминизма и социальных, культурных, законодательных и политических преобразований, которые он предлагает.

Пересмотр маскулинности и демонтаж тех психических и социальных структур гендера, которые несут в себе опасность. Парадокс патриархата заключается в том, что он несет чувства боли, ярости, фрустрации, изоляции и страха, по крайней мере, половине тех, кому дается эта относительная власть и привилегии. Мы игнорируем эту опасность. Для того, чтобы оказать положительное влияние на мужчину, эта работа должна быть основана на понимании, любви и уважении в сочетании с пересмотром отрицательных норм маскулинности и их разрушающих последствий. Мужчины, настроенные профеминистски, должны говорить с другими мужчинами как с нашими братьями, а не как с менее просвещенными чужаками.

Организируйте и включайте мужчин в кооперацию с женщинами в преобразовании гендерной организации общества и, в особенности, институтов воспитания детей. Это требует осознания важности роли мужчин как опекунов и воспитателей, их полной вовлеченности в процесс воспитания детей методами, свободными от насилия.

Работайте с мужчинами, прибегающих к насилию, чтобы заставить их пересмотреть свои патриархатные претензии и привилегии и заменить их любовью и состраданием. Помогайте образовательным инициативам таким, как кампания Белая лента, которая вовлекает мужчин и мальчиков в борьбу с любыми проявлениями насилия. Это дает шанс мужчинам говорить о нашей любви и сочувствии женщинам и другим мужчинам.

Торонто, Канада
Октябрь 1999

1. Этот круглый стол был организован кампанией «Спасти детей» (Великобритания). Дорожные расходы оплачивала Development services international (Канада). Материал о дискуссии в 1998 г. в Катманду можно будет найти в книге Рут Хейвардс (Ruth Haywards) *Breaking the Earthenware Jar* (будет опубликована в 2000 г.)

2. Kaufman M. *The Construction of Masculinity and Triad of Mens Violens.*/Kaufman M. ed. *Beyond Patriarchy: Essays by Men on Pleasure, Power and Change.* Toronto, 1985

3. Kaufman M. *Craking the Armour: Power, Pain and the Lives of Men.* Toronto, 1993